

самая влиятельная часть — поместное дворянство — сочла компромисс с правительством для себя неприемлемым. Земцы, так же как до них либералы, проявили близорукость. В результате, как известно, вся система общественных отношений вместе с ее субъектами потерпела крах.

Примечания

¹ См.: Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. М., 2003; Тайна убийства Столыпина. М., 2003; Столыпин П.А. Переписка. М., 2004; Столыпин П.А. Грани таланта политика. М., 2006; Столыпин П.А. Биохроника. М., 2006; и др.

² См.: Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906—1911): дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

³ Высочайше утвержденное Положение о Совете и Главном управлении по делам местного хозяйства // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 24. Отд. 1-е. №24253. С. 277—283.

⁴ См.: Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908—1910). М., 20085.

⁵ См.: Речи П.А. Столыпина в Совете по делам местного хозяйства // Столыпин П.А. Переписка. С. 621—644.

⁶ Там же. С. 621—622.

⁷ Там же. С. 622.

⁸ Там же.

⁹ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990. С. 75.

¹⁰ Там же.

¹¹ Hosking G.A. The Russian constitutional experiment. Government and Duma, 1907—1914. Cambridge, 1973. P. 160.

¹² Manning R.T. The crisis of the old order in Russia. Gentry and government. Princeton, 1982. P. 342.

¹³ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Там же. С. 83.

¹⁶ Там же. С. 84.

Е.П. Барина *

Повседневная жизнь дворянства

Петр Серафимович Кабытов — не только выдающийся ученый и талантливый организатор, автор фундаментальных трудов по отечественной истории. Он — замечательный педагог и воспитатель целой плеяды моло-

* © Барина Е.П., 2011

дых исследователей, незаурядный научный руководитель. Несмотря на многообразие тематики, которой занимались или занимаются его ученики — студенты, аспиранты, докторанты, она составляет единую систему, развитие которой подчиняется определенной логике. Под его руководством были защищены кандидатские и докторские диссертации, посвященные проблемам взаимодействия власти и общества. Аграрная история, история государственных и муниципальных учреждений России, социальная история, историческое краеведение, выдающиеся личности, проблемы региональной истории — в любом из направлений, исследование которого инициирует Петр Серафимович, он видит неисследованную проблематику и умеет заинтересовать ею своих учеников. Он организовал научные исследования крестьянского движения, социально-экономического строя помещичьего хозяйства, истории поместного дворянства и земства с применением статистических и социально-психологических методов. При всей своей занятости он всегда найдет время для обсуждения не только научной проблемы, но проблем аспиранта или соискателя, подскажет ему направление научных поисков.

* * *

В повседневной жизни дворянство стремилось следовать идеальным эталонам поведения и ценностным нормам, которые усваивались дворянином отчасти сознательно, при помощи системы воспитания, ориентированной на идеал, отчасти бессознательно, как традиция. Такие принципы воспитания, как свобода, честность, простота, независимость, храбрость, исполнительность, определяли повседневное поведение и образ жизни дворянства. Особую роль в воспитании дворянских детей играли нравственные идеалы и ценностная система родителей, которые стремились привить своим детям нравственную дисциплину и чувство долга.

До 7–10 лет дети в большинстве случаев получали домашнее образование и воспитание. Родители полагали, что семейная обстановка оказывает благотворное влияние на их воспитание. Отметим, что в воспоминаниях чаще всего рисуется идеальный образ родителей. Так, С.Д. Урусов, вспоминая своих родителей, писал: «В моих глазах они стоят на такой нравственной высоте, что их характеристика... обратилась бы в непрерывный ряд похвал... Они сделали все от них зависящее, чтобы дать нам образование и твердые правила поведения, как в нашей личной, так и в общественной жизни, служа нам в этом отношении живым примером»¹. С.Е. Трубецкой отмечал: «Отец и мать, деды и бабки были для нас в детстве не только источниками и центрами любви и непререкаемого авторитета; они были окружены в наших глазах еще каким-то ореолом, который не знаком новому поколению»².

Дети помещались отдельно от родителей. Отчасти потому, что они мешали светской жизни родителей или служебной карьере отца, отчасти из-за необходимости привития чувства иерархического почтения. Хотя

дети росли в атмосфере домашней любви, отец очень мало внимания уделял воспитанию детей. Это обстоятельство отмечали очень многие мемуаристы. «Мы боялись не Папа, а «Папа в кабинете», хотя и самого Папа мы все же боялись, несомненно, больше, чем меня — мои дети... это... был не страх, а какое-то полумистическое чувство...»³ Анна Васильевна Левицкая (Олсуфьева) писала: «Я помню, что мы его боялись (отца. — *Е.Б.*), хотя он никогда нас не наказывал»⁴. «Отца я определенно побаивался, — отмечал А.В. Друцкой-Соколинский, —... я боялся быть негодным отцу тем или иным своим поступком или мнением, боялся его недовольства, неодобрения, а тем более порицания, не говоря уже о гнев»⁵.

Обучение детей дома учитывало индивидуальные особенности ребенка. Домашнее обучение позволяло не только следовать программам гимназического курса, но и уделять гораздо больше времени и внимания иностранным языкам. Обычно мать учила детей грамоте, затем в возрасте 5–6 лет приглашались гувернеры для обучения иностранным языкам и манерам. В обязательном порядке изучался французский язык, а также практиковалось дополнительное изучение второго языка. В конце XIX — начале XX вв. модным в дворянской среде стало изучение английского языка. Не всегда приглашение гувернера было радостным для ребенка. Кн. И.Д. Голицына вспоминала, что когда ее родители наняли учительницу английского языка, она возненавидела гувернантку, лишившую ее привычных игр и забав: «Вскоре большое горе постигло меня... Я ненавидела все, что делала гувернантка»⁶. Бывали курьезные случаи, когда дети, тесно общаясь с гувернером, практически забывали родной язык и для поступления в гимназию их надо было дополнительно готовить.

Более состоятельные семьи могли нанять дополнительно учителя для подготовки к поступлению в гимназию. В.М. Андреевский вспоминал: «Чтобы подготовить меня к поступлению в гимназию, пригласили студента В.В. Преображенского. Это был хороший человек, добродушный, добросовестно относившийся к своим обязанностям и прекрасно подготовивший меня к поступлению в гимназию. Он был студент физико-математического факультета и влюблен был в свою науку. Никаких поэзий и сантиментов не признавал. Это был типичный Базаров. Понятно, и к религии он относился более чем равнодушно: Дарвин, Моляшот, Штраус были его авторитетами и пророками»⁷. Родители тщательно выбирали учителей и гувернеров своим детям, в обязательном порядке контролируя обучение своих детей, присутствуя на уроках или контролируя приготовление детьми уроков. Даже обучаясь дома, дети ежегодно сдавали экзамены при гимназии для перехода в следующий класс.

Дворянские дети обучались как в закрытых сословных учреждениях, так и в гимназиях. Образ жизни дворянства предполагал законченное среднее образование для дворянских сыновей, причем выбор учебного

заведения родителями зависел не только от имущественного положения родителей, но и от их убеждений, а также от полученного ими самими образовании. Князь С.Е. Трубецкой вспоминал: «...мой отец и мать, как мне кажется, совершенно правильно решили, что если в детские годы важнее всего воспитательное значение семьи, то позднее мальчикам очень полезно окунуться в школьную «общественную» жизнь... Они считали желательным, чтобы мы столкнулись с гимназическими товарищами из других социальных слоев, чем тот, к которому мы принадлежали по рождению». Многие родители предпочитали отдавать сыновей обучаться в закрытые военные учебные заведения, поскольку их сословный характер предопределял цели воспитания, направленного на укрепление идей национального сознания и патриотизма, дисциплины и строгой субординации. Эти качества считались главным достоинством хорошо воспитанного дворянина. «Мало за что я так благодарен моим родителям, — вспоминал С.Е. Трубецкой, — особенно моей матери, руководившей нашим воспитанием, как за ту дисциплину, отнюдь не жесткую, но систематическую, к которой нас приучили с детства. Эта дисциплина, вошедшая в плоть и кровь, облегчила и облегчает еще мне многое в жизни. Но все же эта необходимая и разумная дисциплина не может не давить иногда на ребенка, особенно с живым характером. Он не может не чувствовать себя, как жеребенок, на которого впервые накидывают оброть, а потом и узду»⁸.

По окончании гимназий дворянские дети поступали в университет, институт или училища. Традиционно вопросы воспитания и образования дворянской молодежи находились в центре внимания дворянских собраний.

Рост либеральных и демократических настроений в обществе вызывал беспокойство поместного дворянства, поэтому оно в пику этим тенденциям ратовало за воспитание в чисто сословном духе. Расширение сети средних сословных учебных заведений, по их мнению, способствовало бы изоляции молодежи от пагубного влияния представителей других сословий. Верхние страты дворянства были заинтересованы не только в высшем сословно-политическом статусе, но и в количественном показателе общего числа дворянского сословия. Их действия были направлены на недопущение полной деградации мелкопоместного дворянства, а следовательно, разрыва корпоративных связей с ними. Поэтому особое внимание уделялось подрастающему поколению разорившегося дворянства. Заботой дворянских обществ стало всемерное увеличение в составе воспитанников удельного веса детей помещиков. Они ходатайствовали о предоставлении льгот пансион-приютам, их воспитанникам и лицам, в них служащим. Саратовское дворянское депутатское собрание ежегодно рассматривало прошения дворян о зачислении их детей в колычевские воспитанники⁹. Капитал, завещанный Колычевым Саратовскому дворянству, помог получить образование очень мно-

гим бедным дворянам в высших и средних учебных заведениях страны. В государственных архивах сохранилось много дел о выдаче стипендий, пособий лицам дворянского происхождения, определенным в военно-учебные заведения за счет дворянских собраний¹⁰. На дворянских собраниях регулярно обсуждались вопросы о бесплатных вакансиях в кадетские корпуса для дворянских детей, о пансион-приютах и назначении дворянских стипендий.

Быт дворянства был традиционным. В.А. Соллогуб отмечал, что «постоянная оседлость была потребностью. У каждого семейства был свой приход, свой неизменный круг родных, друзей и знакомых, свои предания... свои нажитые привычки»¹¹. Очень часто описания дворянских имений свидетельствуют о хозяйственном процветании и налаженности быта их владельцев. «Мы особенно ценили дом... у нас он настолько лучше для жизни, настолько семейный, просторный и веселый»¹². Авторы воспоминаний рассматривали в комплексе обстановку дома, родственные связи, взаимоотношения членов семьи. Значительное внимание при этом уделялось вопросам генеалогии, родственных и матримониальных связей внутри своего круга общения. Воспоминания дворянства об имениях проникнуты любовью («Милая наша Павловка», — писал кн. С.М. Волконский). «Нас окружала таинственная красота, — вспоминала О.К. Воронова, — старинные портреты смотрели на нас из потускневших золоченых рам, загадочно и приветливо улыбаясь...»¹³ Дочь Н.Е. Муханова Надежда в своих воспоминаниях писала: «Наш дом стоял на возвышенности. От него вела тропа вниз к пруду через газон с клумбами... экипажи и автомобили подъезжали к дому, сначала проезжая под кирпичной аркой. Каждый экипаж должен был сделать круг вокруг газона, прежде чем остановиться перед крыльцом. Часть парка была окружена забором...»¹⁴

Имение было малой родиной, там проходило детство, там были родные могилы. Каждую весну родители старались вывезти детей на летний отдых в имение, туда приезжали летом погостить к родственникам. Кн. Б.А. Васильчиков отмечал, что родное имение было для дворян «единственным местом, где они чувствовали себя дома». «Владельцы поместья созидали, — писал он, — улучшали и любовно украшали, при этом сознавали, что владение является не только правом, но и создает целый ряд обязанностей, вытекающих из этого...»¹⁵

С.Е. Трубецкой в своих воспоминаниях подробно описал быт и внешний распорядок жизни своей семьи, обеда, развлечения, дружеские связи, светскую жизнь. Описывая «широту» русского гостеприимства, он отмечал, что традиционное хлебосольство было пережитком «натурального» крепостного хозяйства. Эта привычка укоренилась в сознании дворянства, стала общественной нормой. С.Е. Трубецкой писал: «У нас «широкими» должны были быть даже далеко не богатые помещичьи семьи, и общественное мнение принуждало к «широте» даже

скупых скупых людей... Много дворянских семей разорилось от ставшего им непосильного хлебосольтва, от которого они не могли отказаться»¹⁶.

Вдали от официального общества помещный дворянин получал возможность проявить свое личностное начало во всех сферах: от рационального ведения хозяйства на основе современной ему науки, воспитания детей, выбора форм культурного досуга и занятий любимым делом. Зимние вечера были заполнены семейными чтениями. «Я помню зимние вечера у нас в деревенском доме, — описывал дворянский повседневный быт В.М. Андреевский. — На дворе завывает вьюга, а дядюшка сидит за круглым столом под лампой и рисует мне, шестилетнему мальчику, тропические виды Таити, Манилы, Мыса Доброй Надежды, Хакодате...»¹⁷

Кн. С.М. Волконский вспоминал: «Как часто меня спрашивали: “Вы любите сельское хозяйство?” — “Нет”. — “Вы любите охоту?” — “Нет”. — “Что же вы в деревне делаете?” — “Уверю вас, что мой день очень наполнен”»¹⁸. И далее он продолжал: «Я никогда не любил хозяйства: меня всегда больше влекла расходная, нежели доходная статья. С детства я питал отчуждение к хозяйству. Как ни старался отец меня приучить, ему не удалось разохотить меня. О, эти поездки по хуторам с управляющим. Как я скучал! В жару на дрогах и мы ехали, и все, что говорили отец с управляющим, так меня не интересовало и так было далеко от того, что меня интересовало. Говорят о хлебах, о севооборотах, о сдаточных ценах, а я еду, смотрю на поле и люблюсь васильками и даже хлебным врагом — красным куколом... Но никогда мне не казалось, что я расходую на себя, когда расходовал на Павловку. Для меня это непрерывное творчество, задумывать, осуществлять, видеть в каждый свой приезд упрочение и рост того, что сделал в прежние годы»¹⁹.

В усадьбе, как в зеркале, отражались личные качества каждого конкретного владельца. В ней преломлялись все стороны бытия России, все особенности ментальности отечественной культуры. Помещичий быт отражал не только имущественное положение дворянина, но и направлял его жизнь. «Уездная жизнь сближает, — писал С.М. Волконский, — хотя это есть странного рода сближение: сближение житейское. Редко душевное, почти никогда духовное... Сами знаете, что такое в деревне гости, “Их неожиданный приезд... И продолжительный присест”. Дни проводишь вместе и обсуждаешь заботы, и радости, и надежды, все разных миров люди... Деревенские разговоры можно разделить на три категории: хозяйство, политика, дела семейные. Хозяйство есть то общее, одинаковое, что больше всего сближает, сглаживает различия»²⁰.

Нередкой была ситуация, когда дворянин был уже не хозяином усадьбы, а «наследственным и потомственным рабом своей усадьбы»²¹. Иногда хозяин усадьбы тяготился своим положением помещика-собственника, так как он не был хорошим хозяином или у него не складывались отношения с крестьянами. В таком случае он предпочитал не

вмешиваться в управление имением, и хозяйство отдавалось либо на откуп управляющему, либо более успешному родственнику. С точки зрения дворянства, «опытный помещик в деле» — это человек, готовый к управлению имениями, чтению литературы, беседам с опытными крестьянами²².

При оценке служб дворянина и его деятельности акцентировалось внимание на ее соответствии базовым ценностям сословия. «Одни служили правительству, — отмечал кн. Б.А. Васильчиков, — другие противопоставляемому ему народу, но и те и другие находили полное удовлетворение в сознании, что они служат... служба почиталась долгом дворянина»²³.

Дворянские усадьбы выполняли роль культурного центра, в них были сосредоточены произведения искусства, библиотеки. Русские усадьбы — огромный пласт отечественной истории и культуры, с которым тесно связаны литература, музыка, живопись, различные виды искусств. Самоценность усадебного быта воспета в поэзии П.А. Вяземского, А.К. Толстого, А.А. Фета, автобиографических книгах Л.Н. Толстого, романах А.И. Гончарова, Н.С. Лескова, И.А. Бунина. Характерным отличительным признаком усадьбы являлся ее личностный характер: воля владельца определяла всю организацию усадебного пространства. Помещик или лично участвовал в организации строительных работ и усовершенствовании усадебного хозяйства, или направлял значительные денежные средства на строительство. Поэтому усадьба всегда выступает как представительница личности хозяина, несущая на себе характерные особенности его менталитета. История России богата множеством примеров тому, как дворянство по собственному побуждению заботилось о повышении грамотности населения и улучшению крестьянского быта.

Социальные процессы оказали воздействие на трансформацию социальной психологии поместного дворянства. Сословная исключительность дворянства, зафиксированная законодательно и генерированная вековыми традициями, выработала особый нравственный кодекс — кодекс дворянской чести, характерный для широкого круга представителей высшего сословия. Сословная мораль придавала дворянству чувство корпоративности, которое не давало внутрисословным перегородкам стать непреодолимой силой, а за рамками сословной корпорации в повседневной жизни воспринимать дворянина как представителя особой, высшей касты. Традиционализм базировался на культе предков, древность генеалогического дерева подчеркивала знатность рода. С другой стороны, традиция оправдывала существующие консервативные стереотипы жизнедеятельности. Для значительной части дворянства здесь важна была внешняя форма, определенные правила приличия сословного характера.

Примечания

- ¹ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 2. Д. 11. Л. 7.
- ² Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 11.
- ³ Там же. С. 18.
- ⁴ Цит. по: Беловинский Л.В. Изба и хоромы. М., 2002. С. 289.
- ⁵ Друцкой-Соколинский В.А. Да благославенна память. Записки русского дворянина (1880–1914). Орел, 1996. С. 9–10.
- ⁶ Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М., 2005. С. 27.
- ⁷ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р–5328. Оп. 1. Д. 7. Л.1 об.
- ⁸ Трубецкой С.Е. Указ. соч. С. 9, 16.
- ⁹ Государственный архив Саратовской области. Ф. 19. Оп. 3. Д. 23; Оп. 1. Д. 2253, 2387, 2410, 2522.
- ¹⁰ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 149, 345.
- ¹¹ Соллогуб В.А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 154.

*М.И. Леонов**

Конец первой Боевой организации эсеров. «Дело Богдановича»

Убийство Д.С. Сипягина, покушение на И.М. Оболенского, сведения о намерениях террористов убить В.К. Плеве, К.П. Победоносцева, С.В. Зубатова, заявления Боевой организации партии социалистов-революционеров (БО п.с.-р.) крайне встревожили власти. Николай II горевал о потере «верного друга», Д.С. Сипягина, и обещал награду за поимку организаторов убийства. В.К. Плеве заявил, что уберет со своего письменного стола фотографию Г.А. Гершуни лишь тогда, когда руководитель БО будет арестован. Директор департамента полиции А.А. Лопухин приказал принять «строжайшие меры по розыску Гершуни»¹.

От В.Л. Бурцева идет подхваченная Б.И. Николаевским широко распространенная версия об утаивании тайным агентом департамента полиции Е.Ф. Азефом информации о БО и Г.А. Гершуни. Якобы в начале 1903 г. он затребовал 50 тыс. руб. «за голову» Гершуни. Руководители департамента полиции посчитали, что цена завышена, сделка не состоялась, и Азеф уехал в Москву готовить покушение на И.М. Богдановича². Все это не более чем вымысел. Скрупулезное исследование разнообразных материалов свидетельствовало: в 1902–1905 гг. «единствен-

* © Леонов М.И., 2011